

Я ПЬЮ ЗА ЗДОРОВЬЕ ДАЛЕКИХ, ДАЛЕКИХ, НО ВЕРНЫХ ДРУЗЕЙ...

Если этой реки одолеть не дано,
Если все так нелепо за нас решено,
Так и стоило ль жить? — А Старик, не спеша:
— Там твоя средь людей остается Душа...

16 августа исполняется 10 лет, как с нами нет **Андрея МИРОНОВА**. А мы по-прежнему продолжаем ощущать его рядом — молодого, азартного, гениального... Родного, понятного и одновременно мудрого, глубокого... Успех в кино пришел к Миронову в двадцать пять лет, в 1966 году, когда он сыграл роль Семицветова, обходительного и элегантного жулика в картине "Берегись автомобиля". Бесконечный восторг вызывает его "Граф" в "Бриллиантовой руке" ("Мне надо еще принять ванну, выпить чашечку кофе..."). Заставляют улыбнуться его Васильев в "Невероятных приключениях итальянцев в России", Фаинар в "Соломенной шляпке", Селестен в "Небесных ласточках". А чего стоит хит всех времен про "бабочку", которая "крылышками бяг-бяг-бяг-бя" (из "Обыкновенного чуда")?

Коллеги любили Андрея Александровича, продолжали любить и по сей день. И говорят о нем с нежностью и теплотой.

Алла СУРИКОВА (режиссер фильма "Человек с бульвара Капуцинов"):

— 16 августа — в день памяти Андрея по ОРТ будут показывать "Человека с бульвара Капуцинов". Десять лет прошло со дня смерти Миронова. И картине тоже — десять лет. Все мы, часть группы — актеры, оператор Григорий Беленький, те, кто принимал участие в ее создании, будем смотреть фильм. Я перед началом передачи говорю какие-то хорошие слова в память об Андрее Александровиче.

Чем запомнилась работа с Мироновым? Пожалуй, его потрясающей заинтересованностью во всем, за что брался. Есть "киты" кинематографа, которые интересуются только своей ролью: закончили съемки и — след простыл. Андрей Александрович с момента запуска был рядом постоянно, от начала и до конца, независимо от того, снимался он в том или ином кадре или нет. Вот это ощущение не только актера, но и друга, человека, заинтересованного в общем результате, коллеги — это дорогого стоит. Кроме всего прочего, он сам по себе был удивительным человеком, работа с ним была постоянным праздником, который не кончался.

Были люди, с которыми мы сняли не одну картину, но я не помню, чтобы по окончании они мне звонили. А с Андреем — жизнь была продолжением работы. Немного актеров в моей жизни после того, как фильм снят, остаются... в судьбе. Среди них — **Армен Борисович Джигарханян**, который 31 декабря, где бы он ни был, звонит и поздравляет с Новым годом. **Николай Петрович Караченцов**, **Оля Кабо**. **Ира Селезнева** вот недавно звонила из Израиля... Продолжаются какие-то теплые, человеческие взаимоотношения. Андрей тоже был в числе друзей. Он был настоящим...

Марк ЗАХАРОВ (режиссер театра "Ленком"):

— В заре моей театральной деятельности я работал вторым режиссером у **Валентина Плучека** в Театре сатиры и пытался вести режиссерскую работу над одной весьма посредственной пьесой, шли довольно вялые репетиции, и я запомнил их только потому, что там репетировал Андрей Миронов. Мы присматривались друг к другу, и особого взаимопонимания между нами не чувствовалось. Помню, он меня страшно донимал на репетициях вопросами: "Зачем я это делаю?", "Зачем я подошел к окну?", "Почему мне надо сесть?", "Какое действие у меня при слове 'Здравствуйте'?", "Почему я сказал 'До свидания'?"... Те-

перь я ему объяснил бы в двух словах. Почему? Почему?.. Сослался бы на биоритмы, фазы Луны, фрейдистские комплексы, интуицию, уменьшение адреналина в крови... Нашелся бы что сказать! Уже не мальчик. Тогда же Миронов не раз меня озадачивал, и я даже терялся на некоторое время. Он находился под сильным влиянием "Современника", лучшей его поры, и стремился четко анализировать роль с помощью действенного анализа, определения сквозного действия, задачи и сверхзадачи. Иногда меня это злило, но в конце концов я оценил его дотошность. Я стал готовиться к репетиции тщательнее, теперь уже точно формулируя цель того или иного сценического поступка, причину произнесения того или иного текста в каждом конкретном случае, в каждый конкретный миг.

Работа, в общем, несложная. Она может быть даже очень простой. Даже ремесленной. Однако тут Миронов в целом был прав: квалификация режиссера зависит во многом от того, как он формулирует причину и цель сценического деяния. На каждую удачную реплику может приходиться до десятка справедливых режиссерских обоснований, так сказать, правильных и бесспорных. Но за нормальными режиссерскими обоснованиями в нашей профессии следуют не совсем нормальные, неприличные, страшно неожиданные, такие, что может услышать и понять только режиссер повышенной одаренности, за повышенной одаренностью следует сверхповышенная... и так до самого **Станиславского** или до **Федерико Феллини**.

Бесконечная работа — что может быть прекраснее? Я стал упорно, почти со спортивной страстью думать: "Зачем

бабушка в магазине рассказывает какую-то чушь несусветную людям, с которыми она никогда прежде не виделась и не увидится? Чего это я этой личности всегда улыбаюсь? (Какие у меня цели?) А мимо этой физиономии все время норовлю проскочить?" Эта моя "вездливость" сформировалась во мне во многом под влиянием мионовской "вездливости". Надо отдать ему должное. Я вскоре стал ему объяснять каждое слово, каждое движение мизинца, и он отстал от меня с вопросами, утомился, успокоился, поверил, что все-таки что-то такое я тоже знаю.

Андрей Миронов не хлебнул ни голода, ни холода, что вызывало у некоторых актеров по отношению к нему некоторый скепсис. Детство его было достаточно комфортабельным, юность тоже. Где он набрался отрицательных эмоций — не знаю. Но набрался. Без обязательного голода и обязательного холода. У нас ведь есть ощущение, что большим художником, как и писателем, становится только тот, у кого было несчастное детство. Иными словами, для искусства ценен лишь тот, кто многое пережил. Это бесспорно. Без больших переживаний нет серьезного художника. Но что понимать под переживаниями? Тяжкие физические и нравственные лишения? Истинное человеческое страдание, мятельный духовный поиск могут проходить в условиях приличного трехразового питания. **Александр Сергеевич Пушкин**, по нашим представлениям, жил и творил в полном достатке. Не хлебом же единым!.. Может быть, нескромно сразу после Пушкина переходить к Миронову, но что делать, с ним связано мое первое и самое яркое актерское потрясение, этот человек явился отчасти соавтором "Доходного места" в Театре сатиры.

"Режиссер должен умереть в актере". Прежде чем я "умер" в Андрее Миронове, я увидел его в массовке, он только что пришел в театр за год до моего появления, стоял на сцене среди других молодых артистов, внешне никак не старался специально выделяться, тем не менее выделялся сильно. Чем? Скажу сразу о главном: об актерском излучении. Волевой, собранный, имеющий богатое внутреннее содержание, неслышимый, но мощный энергетический посыл. Миронов вобрал в себя весь комедийный посыл, подаренный ему знаменитыми родителями и знаменитыми веселыми друзьями знаменитых родителей, но свой актерский фундамент он построил из другого материала...

...Премьера "Доходного места". Финал спектакля... Андрей Миронов стоит на сцене один и смотрит на тех, ради кого живут многие поколения актеров и ради кого пишутся все пьесы мира. Он смотрит на зрителей и дарит нам нового живого **Островского**:

— Я не герой, — очень просто и тихо говорит Андрей, — я обыкновенный, слабый человек. У меня мало воли, как почти у всех нас. Нужда, обстоятельства... могут загнать меня, как загоняют почтовую лошадь. Но довольно одного урока... чтобы воскресить меня... Я могу поколебаться, но преступления не сделаю; я могу споткнуться, но не упасть.

Больше в спектакле не звучало ни единого слова. Очень тихо возникала музыкальная тема. Здесь Миронов как-то неожиданно и даже нескладно улыбался, по-дилетантски. Улыбался очень здорово, потому что нам хотелось плакать! Я очень гордился этой странной улыбкой, уже на последней репетиции, ничего не объясняя, сказал ему:

— Здесь улыбка, Андрюша.

И он улыбнулся. Зачем? Может быть, чтобы снять излишний пафос, чтобы не подумали, что его слова — нравственное. Он поворачивался спиной и медленно уходил от нас в глубину огромного пространства. Это было давно, поэтому за ним закрывался занавес.

Е. КУРБАНОВА

